

Н. А. Вальянов

**ОБРАЗ В. АСТАФЬЕВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ:
СЛУЧАЙ М. ТАРКОВСКОГО¹**

В истории региональной литературы² имя Виктора Петровича Астафьева является знаковым. Авторитет мастера, «исследующего русский национальный характер, глубоко и философски запечатлевшего черты эпохи», сибирский художник заслужил еще при жизни³. Писатель, сформировавший наряду с традиционалистами национальную (сибирскую) идентичность⁴, определяется, словами Н. Лейдермана и М. Липовецкого, как фигура, которая привносит в отечественную литературу «сочность словесной фактуры — с лиризмом и гротеском, со смехом и слезами, баловством

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

² Под *региональным* здесь следует понимать литературу Красноярского края как неотъемлемую часть словесной культуры Сибири. Об этом см.: *Чмыхало Б. А.* Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 199 с.; *Анисимов К. В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: ТГУ, 2009. 300 с.

³ Очерки русской литературы Сибири: в 2 томах / Академия наук СССР, Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии; главная редкол.: А. П. Окладников [и др.]. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение: Советский период. Т. 2 / [Е. А. Куклина, Ю. С. Постнов, В. П. Трушкин и др.; редкол.: Л. П. Якимова (отв. ред.) и др.]. 1982. С. 523.

⁴ Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. Серия «Универсалии культуры». Вып. VII: монография / отв. ред. Ковтун Н. В.; М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 456 с.; *Ковтун Н. В.* Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.

и истовой серьезностью»¹. Литературовед Г. Белая ведущей особенностью астафьевской поэтики видит «прочную связь сюжетно-психологических мотивов с автобиографическими жизненными впечатлениями»², которая проявляется уже в произведениях раннего этапа («Перевал», «Стародуб», «Звездапад», «Кража» и др.). Масштаб литературного дарования В. Астафьева отмечает В. Размахнина, которая обозначает границы творческой личности художника, именуя его «русским и российским писателем в полном объеме этого понятия», при этом не отказывая художнику в его *первостепенной* принадлежности к Сибири: «<...> он сибиряк — и по рождению, и по устойчивому интересу к родному краю, и по складу индивидуальной культуры»³.

В современном сибиреведении интерес к произведениям В. Астафьева не угасает. Обращение к личным архивам, неисследованным документальным материалам, неизученным художественным текстам расширяет представления о творческой судьбе писателя. Интерес обусловлен и проблематикой астафьевского творчества, характеризуемого «сочетанием трезвого осознания неизбывного трагизма бытия с пронзительной жадой идеала»⁴. Корреляция философской картины мира и определения места человека в нем прочитывается и в контексте современного положения русской художественной словесности, где обозначаются возможности *нравственно-этического обновления общества*, происходят *поиски культурного героя*⁵,

¹ Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 98.

² Белая Г. А. Астафьев // Краткая литературная энциклопедия: [в 9 т.]. Т. 1: Аарне — Гаврилов. М.: Сов. энциклопедия, 1962. С. 78–79.

³ Размахнина В. К. Астафьев и Сибирь // Первые Астафьевские чтения в г. Красноярске. Вып. 1. 2005. Красноярск: ИПК КГПУ. С. 137–146.

⁴ Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. С. 442.

⁵ Ковтун Н. В. Трикстер как герой нашего времени. М.: ФЛИНТА: Наука, 2022. 408 с.; Вальянов Н. А. Типология героев в малой прозе М. А. Тарковского // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 282–287; Загидулина Т. А. Образ трикстера в гротескном реализме и традиционализме: схождения и отгалкивания (на материале трилогии В. П. Аксенова

совершаются попытки *освоения нового жизненного пространства*, да и в целом возрастает интерес к изучению проблематики и поэтики «сибирского текста»¹. В этом смысле абсолютно бесспорна принципиальная значимость литературного творчества В. Астафьева, а также его последователей. К слову, преемственность астафьевской традиции в современной русской прозе очевидна и связана с именами М. Тарковского, Б. Лапина, Б. Петрова. Кроме того, с манифестом новой волны *деревенской прозы* выступает молодое поколение литераторов², апеллирующих к классическим традиционалистским текстам и заявляющих о том, что необходимо «отменить бытование этого неуклюжего термина, <...> вернуть ему истинное смысловое наполнение»³.

Биографические истоки творчества и художественный мир В. Астафьева, всеобъемлюще отразившие его мировоззрение, стиль литературных произведений, обнаживший истинное отношение сибирского автора к национальному языку, отношение В. Астафьева к вопросам развития русской литературы, традициям старообрядчества — аспекты, сформировавшие образ писателя в восприятии его

«Московская сага» и цикла рассказов о Сене Позднякове В. Г. Распутина // Сибирский филологический форум. 2024. № 1 (26). С. 40–53; Ларина М. В., Орешина Л. Е. Образ антигероя в современной прозе: от традиционализма к метафизическому реализму // Сибирский филологический форум. 2023. № 4 (25). С. 45–53.

¹ Ковтун Н. В. Мифологема Сибири в творчестве современных традиционалистов // Русская литература в иностранной аудитории: сборник научных статей. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, факультет русского языка как иностранного. Санкт-Петербург, 2014. С. 13–22.; Сибирь в контексте мировой культуры: опыт самоописания. Коллективная монография. Томск: ТГУ, 2003. 216 с.; Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 384 с.

² Манифест «новой волны деревенской прозы» // День литературы. 11 июня 2023. Электронный ресурс: <https://denliteraturi.ru/article/7461> [Дата обращения: 15.05.2024].

³ Манифест «новой волны деревенской прозы» // День литературы. 11 июня 2023. Электронный ресурс: <https://denliteraturi.ru/article/7461> [Дата обращения: 15.05.2024].

современников. К нему неоднократно обращались А. Солженицын¹, В. Распутин², М. Тарковский³, В. Курбатов⁴, В. Яранцев⁵, Э. Русаков⁶, А. Щербаков⁷ и др.

В публицистике о В. Астафьеве, представленной очерками, письмами, воспоминаниями современников, отражается вся полнота и одновременно противоречивость натуры писателя, что ярко выражено в его отношении к писательскому ремеслу, родному языку, проблемам традиции, вопросам экологической культуры и сохранения национальной идентичности. Один из примечательных и, наш взгляд, достаточно любопытных образов сибирского мастера представлен в воспоминаниях М. Тарковского — заметного представителя актуальной русской прозы, преемника астафьевской художественной традиции.

¹ *Басинский П.* Наталья Солженицына предоставила «РГ» неизвестный текст Александра Солженицына о Викторе Астафьеве // Российская газета. 27 апреля 2009. Электронный ресурс: <https://rg.ru/2009/04/27/tekst.html> [Дата обращения: 12.05.2024].

² *Распутин В.* Я отчаялся // Труд. 29 июля 2004. Электронный ресурс: https://www.trud.ru/article/29-07-2004/75033_valentin_rasputin_ja_otchajalsja.html [Дата обращения: 10.05.2024]; *Распутин В.* Правда всегда нужна // Русский лад: общероссийское общественное движение по возрождению традиций народов России «Всероссийское созидательное движение». 2 октября 2022. Электронный ресурс: <https://rus-lad.ru/news/v-rasputin-pravda-vsegda-nuzhna/> [Дата обращения: 15.05.2024].

³ *Тарковский М.* Речной писатель // Енисей: красноярский краеведческий и литературно-художественный альманах. 2014. № 1. С. 20–28; *Тарковский М.* Пешком по лестнице // Избранное, 2014. С. 372–379.

⁴ *Курбатов В.* Миг и вечность: размышления о творчестве В. Астафьева. Красноярск: Кн. изд-во, 1983. 166 с.

⁵ *Яранцев В.* Об Астафьеве // Сибирские огни. 2009. № 5. Электронный ресурс: <https://magazines.gorky.media/sib/2009/5/ob-astafeve.html> [Дата обращения: 10.05.2024].

⁶ *Русаков Э.* Осень патриарха. Вспоминая Астафьева // Сибирские огни. 2004. № 5. Электронный ресурс: <https://m.sibogni.ru/content/osen-patriarha> [Дата обращения: 10.05.2024].

⁷ *Щербаков А.* О писателе Астафьеве // Проза. Ру — российский литературный портал. Электронный ресурс: <https://proza.ru/2023/11/15/509> [Дата обращения: 10.05.2024]; *Щербаков А.* Сопричастный всему живому // Электронный ресурс: <https://litbook.ru/article/6463/> [Дата обращения: 10.05.2024].

В его литературной судьбе творческая личность В. Астафьева занимает особое место: сибирский классик сыграл ключевую роль в профессиональном становлении молодого прозаика. Об этом Тарковский рассуждает в цикле своих очерков «Жизнь и книга» (2002), «Енисейские очерки» (2004), посвященных выдающимся землякам¹.

М. Тарковский продолжает художественные традиции В. Астафьева. Вослед сибирскому мастеру он повествует о непростой, но удивительно насыщенной, наполненной сокровенными смыслами, трудовой жизни в Сибири, описывает таежные просторы, прокламирует нерушимую связь с тайгой и тесную привязанность к ней, рассуждает о судьбе простого русского мужика в сибирской деревне и интеллигента, готового, а главное, способного к инициации — постижению Истины в пространстве неизведанного. Влияние астафьевской традиции заметно в поэтике раннего и зрелого Тарковского, в том числе на уровне специфики создания художественного образа, организации хронотопа (тайга, город, деревня, дом, река).

Знаменательно, что в актуальном литературоведении, критике прозу М. Тарковского нередко соотносят с творчеством его предшественника². Некоторые исследователи упоминают о схожей судьбе писателей: обоих воспитывали бабушки, которые с детства прививали внукам большую любовь к сибирской земле, что отразилось в творчестве обоих авторов. Так, например, образ Бабушки (с заглавной буквы. — *Прим. авт.*) станет одним из ключевых в произведениях художников. Достаточно обратиться к главным книгам

¹ Вальянов Н. А. Сибирская идентичность в прозе М. А. Тарковского: отражение астафьевской традиции // Феномен В. П. Астафьева как регионально-национальное самосознание эпохи. Министерство образования и науки Российской Федерации; КГПУ им. В. П. Астафьева; Научно-исследовательский центр В. П. Астафьева; Государственная универсальная научная библиотека Красноярского Края. 2017. С. 3–12.

² Беляева Н. В. Русская литературная традиция в прозе современного писателя Михаила Тарковского // Русская словесность: научно-теоретический и методический журнал. 2008. № 5. С. 41–44; Павлов О. Пути и тропы. Проза судьбы М. Тарковского // Литературная газета. 2001. 14–20 марта. С. 9; Кокшениева, К. А. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: [в 3 т]. Т. 3. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 474–476; Ремизова М. С. Только текст. Постсоветская проза и ее отражение в литературной критике. М.: Совпадение, 2007. 447 с.

авторов — «Последний поклон» В. Астафьева и «42-й до востребования» М. Тарковского, которые посвящены важному в их жизни человеку — бабушке. Оба совмещали писательский труд и таежный промысел, находя в этом и утешение, и успокоение, и «некую правду жизни» (К. Кокшенева).

Как преемник астафьевской литературной традиции, М. Тарковский рефлектирует на жизнь и творчество своего предшественника — формируется своеобразный художественный диалог, позволяющий определить точки соприкосновения и расхождения в мирознании художников¹, а любой создаваемый текст представляется как условное «семиотическое пространство, без которого невозможен знаковый процесс», где диалог и становится «основой всех смыслопорождающих процессов»².

В очерках «Пешком по лестнице», «Речной писатель», «Русский язык на берегах Енисея» М. Тарковский обращается к образу писателя, отражает его мирозерцание, формирует собственное представление о художественном таланте сибиряка, определяет его народность, самобытность и самостийность творчества. Так, в тексте «Русский язык на берегах Енисея» В. Астафьеву, знатоку многих енисейских говоров и наречий, отводится главенствующая роль в развитии сибирского художественного слова. Рассуждая о современном состоянии языка, М. Тарковский обращает читателей к эталону, образцу языковой культуры и творчества, невозможному без определенной системы, неповторимого речевого строя, принципиально отличающих Сибирь как запасник русской культурной традиции³.

В очерке «Речной писатель» образ писателя представлен в экологических ключах: органично показана тесная духовная связь мастера с сибирской рекой — Енисеем. Здесь отражаются два важнейших

---

¹ Бахтин М. М. Проблема материала, содержания и формы в художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

² Лотман Ю. М. О семиосфере. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма // Труды по знаковым системам. XVII. Тарту, 1984. С. 5–23.

³ Тарковский М. Русский язык на берегах Енисея // Енисей: красноярский краеведческий и литературно-художественный альманах. 2014. № 1. С. 47–50.

астафьевских принципа — *жизнь как творчество и литература как судьба*. Словами М. Тарковского, В. Астафьев принадлежит к числу тех творцов, которые «взяли на себя ношу великой русской литературы и, поразив своими книгами самых щепетильных читателей, стали настоящими классиками»¹ [С. 20]. В художественном образе выделяются стержневые черты Астафьева как *Человека и Созидателя*: искренность, доверительность преданность, мастеровитость, основательность, щепетильность. Он олицетворяет верность любому делу: рыбацкому, охотницкому, плотницкому и писательскому. Само название очерка отсылает к мотивам сотворчества, созидания. М. Тарковский неслучайно метафорически проводит параллель двух образов — Енисея-батюшки как великого учителя и наставника и Астафьева как его верного ученика и сподвижника: «И писатель — под стать Енисею: такой же кряжистый, крепкий, мужицкий и в своих книгах насквозь речной — пароходский, лодочный, рыбный» [С. 21]. Сравнивая творчество с потоком речной воды, М. Тарковский сакрализует писательское ремесло, определяет истинный характер астафьевской прозы: ее *исповедальность, летописность и житийность*.

Ключевыми характеристиками поэтики мастера публицист считает *пронзительность, поэтичность и стихийность*, отражающие внутренний мир В. Астафьева, в частности его отношение к сибирской природе. М. Тарковский рисует своего предшественника как великого художника: его способность к словесным изысканиям, стилевой игре, речетворчеству — при всей строгости и бережливости к родному языку. Внутреннее сосредоточение, а местами — противоречивая борьба творца, филигранно подтачивающего каждое слово и образ, подчеркивает особость ремесла как идеала, порой недоступного человеческому восприятию: «Как побороть пером это величие, как подобраться к гладкой алюминиевой шкуре, не соскользнуть с алмазного лезвия плёса, как всверлиться, прокопаться, каким надфильком? Каким буром забуриться в двухметровый лёд, чтоб заговорила речная громада, живым бугром пробилось слово, заходило по кругу, забирая душу? Никто особо и не пробовал — и вот Виктор Петрович впервые в истории взялся за батюшку-Енисея. Только догадываться

¹ Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Тарковский М. Речной писатель // Енисей: красноярский краеведческий и литературно-художественный альманах. 2014. № 1. С. 20–28. В скобках указываются номера страниц.*

можно, как трудно ему было первому... И вот сделал он шаг, ступил из стальной параллельности в этот бурелом, чапыжник, шарагу, вертепник или попросту дурнину» [С. 21].

Немаловажное значение в портретном очерке придается астафьевским героям («детям батюшки-Енисея») — *носителям истины*, принявшим законы добра и справедливости. М. Тарковский размышляет об избранных персонажах В. Астафьева, становящихся приверженцами писательской философии; герои же, нарушающие завет, впоследствии оказываются побежденными перед лицом *Природы* — за совершенным ими грехом неизбежно последует Возмездие.

Рассматриваемые в очерке художественные произведения В. Астафьева («Капля», «Пир после победы», «Последний поклон», «Царь-рыба») приводят публициста к одной важной мысли — *правда астафьевская* заключена в том, чтобы сохранять чувство родной земли, не нарушать гармонию между человеком и природой, следовать заветам предков. М. Тарковский финализирует очерк рассуждениями о *глубочайшем смирении перед своей долей* как исключительном предназначении русского художника, который в отечественной истории всегда являлся *легионером, плакальщиком и защитником* родной земли.

Исключительность фигуры В. Астафьева, неповторимость его личности и судьбы подчеркнута в очерке «*Пешкой по лестнице*», воспоминании о знакомстве и первой беседе с литератором. Встреча двух писателей произошла на Астафьевских чтениях в Овсянке. Тарковский-публицист демонстрирует свое отношение к личности признанного мастера слова, раскрывает восприятие общественностью фигуры Петровича — именно так позволял называть себя Астафьев близкому окружению, что свидетельствует об открытости, простоте, народности писателя. Заметна отсылка к семантике имени (Петрович из одноименного рассказа «Петрович», Иваныч из повести «Стройка бани», Прокопич из повести «Енисей, отпусти»), положительные качества подсвечены мотивами *богатства и русской силы*.

Обратимся и к названию очерка, которое представляется нам метафоричным. *Лестница* (в христианской традиции — *лестница* Иакова, по которой восходят ангелы) выступает как переходное пространство между небом и землей, подъем по ней олицетворяет *духовное восхождение* человека к Богу; в античной традиции — восшествие на *Олимп*. У М. Элиаде встречаем: «Если мы попытаемся очертить

целостную картину всех мифов и обрядов <...> то с удивлением заметим, что их объединяет общая доминирующая идея: сообщение между Небом и Землей осуществимо — или было осуществимо *illo tempore* — с помощью какого-либо физического средства (радуга, мост, ступени, лиана, веревка, “цепь из стрел”, гора и т. п.). Все эти символические изображения связи между Небом и Землей — всего лишь варианты *Мирового Древа* или *Axis Mundi* (Оси Мира)»¹.

Симптоматично, что М. Тарковский противопоставляет Астафьева столичным писателям: «Я представил, как Виктор Петрович поднимается пешком по этой лестнице к себе наверх, и еще представил расселенных по шикарным писательским домам и дачам маститых столичных литераторов, и вскипело раздражение, обида, мол, жиреете, гады, по дачам, да пен-клубам... На лифтах ездите, а он пешочком, а вы его и мизинца не стоите, ни по-человечьи, ни в литературе»². Таким образом, М. Тарковский, по сути, обозначает роль и место Астафьева как классика русской литературы среди ведущих представителей современной словесности, часть из которых, по мнению публициста, не имеет права именоваться писателями. Очеркист изображает фигуру прозаика как образ-символ, эталон писателя, собственным трудом заработавшего имя в литературной среде, в отличие от числившихся в ПЕН-клубах «гадов жиреющих».

В воспоминаниях публициста — автобиографическом очерке — отражаются четыре ключевых эпизода: знакомство с писателем; встреча-беседа в городской квартире писателя; восприятие Астафьева его близким окружением; наставничество Астафьева. Первая часть очерка открывается портретом писателя, который в сознании молодого Тарковского представляется подлинно народным: акцентируется внимание на его внешности, речи, манере общения. Образ Астафьева иконографичен, о чем свидетельствует его неподвижность, статность, внутренняя собранность, в литературном окружении его отличает некоторая особость: «На вид он оказался старше, чем я представлял, чем знал по фотографиям и телевизионным передачам. И как-то крепче,

¹ *Элиаде М.* Шаманизм. Архаические техники экстаза / Пер. В. Трылис. М.: Академический проект, 2024. С. 217.

² Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Тарковский М.* Пешком по лестнице // Избранное. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2014. С. 372–379. В скобках указываются номера страниц.

шире, ниже. Лицо было сильно испещрено морщинами, но больше всего запомнился больной слезящийся глаз, в котором стояла влага, и он от этого казался неподвижным. <...> И в лице еще сильнее сквозило что-то народное, знакомое, будто эти черты тысячи раз встречались в лицах случайных попутчиков в самых дальних поездах и на затрапезных вокзалах. Народной была и его речь, но если, когда-то давным-давно по радио ее грубоватая эпичность казалась нарочитой, то теперь, когда я сам прожил столько лет за Уралом, она казалась настолько близкой и понятной, словно в ней была зашифрована вся моя сибирская жизнь <...>» [С. 373].

Встрече и знакомству с литературным мэтром, как признается повествователь, предшествует своеобразная *инициация*: чтобы добрать-ся до заветного места, ему, как и сказочному персонажу, которому чинят препятствия, предстоит обряд посвящения. Преодолеть границы сакрального пространства (коим представляется образ сказочной, утопической Овсянки), приобщиться к миру Сибири, московскому интеллигенту возможно лишь пройдя испытания: «Добирался сначала на теплоходе, ползущем по осеннему дождивому Енисею, а в Енисейске ночевал в холодящей гостинице под тремя одеялами, потом трясся целый день на автобусе в Красноярск, потом на электричке до Овсянки» [С. 373]. М. Тарковский, не иронизируя, дословно пишет: «В буквальном смысле с корабля я попал на бал» [С. 374].

В этом контексте немаловажное значение придается пространству Овсянки как символическому, идиллическому: деревня в сознании публициста масштабируется, поражает своей традиционностью — рускостью, размашистостью. Отметим, что подобные художественные описания деревни у М. Тарковского встречаются неоднократно («Фундамент», «Стройка бани», «Ложка супа», «Енисей, отпусти»). Пространство астафьевской библиотеки, подаренной, как известно, писателем своим односельчанам, в очерке также возвышается до образа сказочного замка, где сокрыто сокровенное — *знание*: «С дороги знаменитая овсянковская библиотека показала прекрасным замком. Сама Овсянка по Астафьевским рассказам о детстве представлялась тихой деревней, притаившейся меж тайгой и рекой, а теперь выглядела размашисто и разномастно застроенным поселком, прилепившимся к трассе» [С. 374].

Вторая часть очерка описывает близкое знакомство героев, встреча которых происходит в городской квартире писателя, где и ведутся

первые беседы о литературе, охоте, рыболовстве, о Сибири. Эти фрагменты очерка маркируются мотивами *наставничества, творческого поучения*, напоминающими передачу мастерского опыта как *отчего завета*. Образ старика, воссозданный в воспоминаниях публициста, неимоверно глубок, человечен, подсвечен чертами крайней порядочности, совестливости, преданности, прямолинейности и излишней скромности: «До этого я видел его только на людях, а тут в разговоре он поразил какой-то необыкновенно человеческой интонацией, понятными и близкими чувствами. Он рассказал про всякие официальные встречи, мероприятия, где его просят присутствовать, даже подарки дарят (по обязанности, а не от души) и как стыдно так вот сидеть, исполнять значительную роль» [С. 375]. Автор очерка масштабирует значимость личности Астафьева — ему словно приписывается миссия классического *писателя/пророка*, которому уготовано узреть порочность мира, оказаться отвергнутым обществом, но нести печать избранничества: «Он потер голову, под седой чуб подлезая ладонью, и, морщась и краснея, выдал: “сты-ыдно...” И так верилось тому “сты-ыдная”», казалось, что неловко этому выдавшему виды человеку не только за один случай, а за все, творящееся на Земле» [С. 374].

Примечательно, что автор акцентирует внимание на важной детали интерьера — в городской квартире Астафьева повествователь замечает его рабочий стол, чей образ полностью согласуется с представлениями автобиографического нарратора о мастерской настоящего писателя: «В гостиной стоял огромный светлого полированного дерева стол для гостей, и рядом рабочий стол — тоже большой, с каким-то зеленым сукном, все чуть старомодное, с размахом сделанное и какое-то классически-писательское. Именно так я представлял в детстве писательские апартаменты» [С. 375].

В очерке «Пешком по лестнице» представлены разные грани Астафьева-писателя: он и гостеприимный *хозяин дома*, встречающий с дороги молодого коллегу; и *наставник*, чьи советы становятся прописными истинами в жизни и в писательском мастерстве, и профессиональный *критик*.

При этом запоминающимся и достаточно интересным для героя-повествователя оказывается образ Астафьева-*балагура*. С присущим ему солдатским юмором, острословием, избытком глубокой, но при этом жизненной иронии, характерными чертами *забавника/*

шута, который то и дело умел, как сам выражался, «травить собравшихся анекдотом»: «если честно — на Чтениях мы мировых проблем с вами не решим, но главное, что вы все можете друг с другом попить водки и пообщаться», — вспоминает М. Тарковский астафьевские слова. Образ весельчака дополняется шутивными, искренними интонациями с непечатными добавками, байками и хохмами, воспринимаемыми гостем как внутреннее спасение от горечи и боли, умело скрываемыми Астафьевым в обществе. Мастерство Тарковского-очеркиста проявляется, когда он словно снимает с Астафьева маску балагура, обнажает суть его природы до предела: образ «веселого солдата» одноmomentно сменяется фигурой серьезной, беспощадно размышляющей о бедах Сибири и России: «Переживал он, говорил и писал о захоронении радиоактивных отходов под Енисеем, об испоганенной тайге, о том, что человек — самое вредное животное, пока все не изгадит, не срубит сук, на котором сидит, не успокоится. Говорил всегда беспощадно, как есть, ширью своей не помещался ни в какие ни круги, ни партии, лепил напрапалую, что думал, боля и переживая, но никогда не ненавидя» [С. 377].

То, что творчество Астафьева высоко ценили, М. Тарковский подтверждает несколькими эпизодами-воспоминаниями, в том числе со слов самого сибирского прозаика — примечательны фрагменты, когда несколько рыбаков, завидев писателя, пытались всучить ему изношенную «Царь-рыбу», чтобы завладеть автографом. В среде промысловиков «Царь-рыба» считается настольной книгой, а вот отношение к литературным героям у каждого сельчанина — разное: кто-то размышляет о правдивости астафьевского повествования, реальности изображаемых типов персонажей, кто-то и вовсе отказывает сибиряку в существовании писательского таланта, обвиняя его в том, что, мол, «никакого Командора в Ярцеве не было»; не разделялся природоохранный пафос его прозы, осуждали Астафьева за то, что не воспевает, а осуждает браконьерскую жизнь в тайге.

Особо значимым для М. Тарковского оказывается профессиональное наставничество В. Астафьева, что отражается в финальных фрагментах повествования. Первые две повести, написанные им еще в 1990-е годы, переживут критику сибирского классика, усомнившегося в «авторской правде», которую М. Тарковский отражает на страницах своих произведений. Диалог двух писателей о пьянстве,

разгульном образе жизни героев Тарковского, приводит Астафьева к мысли о том, что *не каждая жизнь становится правдой и не каждая правда отражает жизнь* («В книге своя правда должна быть», — сетует профессионал). Советы Астафьева помогают Тарковскому по-другому взглянуть на текст и приступить к его художественной обработке: так с подачи Астафьева «заварилось дело с книгой». В финале очерка повествователь размышляет об истории книги: ее дальнейшую судьбу Астафьеву не суждено было узнать — в ноябре 2001 года его не стало. Сам же повествователь по этому поводу размышляет: «... при нашем последнем разговоре он ответил что-то обнадеживающее, а потом заболел, и, кроме беспокойства за его жизнь (почему-то была твердая уверенность, что он выкарабкается), была мечта прислать ему книгу, где в конце последнего рассказа был отрывок про тугунов, и все вспоминалось его: “Это чо за поклажа?” и “будет всю жизнь с авоськой ходить”» [С. 378–379]. «Осенью вышла книга, а Виктор Петрович умер, так и не прочитав про тугунов, мелкую и серебристую сиговую рыбешку, свежеспавшую огурцом» [С. 378–379] — эти слова финализирует портретный очерк о сибирском писателе.

В воспоминаниях М. Тарковского В. Астафьев представлен как человек, который «находил на всех время, считал своей обязанностью помогать, подбадривать» [С. 378–379], когда подписывал книги — искал для каждого человека особые слова, боялся повториться, написать что-то общее. По признанию публициста, его всегда поражали простота и глубина речи классика, отсутствие гордыни, намек на какую-либо многозначительность.

Астафьевская традиция заметно повлияла на художественное творчество М. Тарковского, который позже отзывался о предшественнике так: «Имя для меня святое, хотя я понимаю всю сложность его личности. Он меня крепко поддержал в своё время. Такое не забывают»¹. Среди настольных книг в его домашней библиотеке — «Последний поклон» и «Царь-рыба». Вслед В. Распутину, который считает В. Астафьева истинно *народным писателем на Енисее*, М. Тарковский утверждает его значимость, самобытность, самостоятельность, определяет главное предназначение сибирского летописца как подлинного художника, заложенное в *идее соборности* русского народа.

¹ *Тарковский М.* Настает роковой момент // Литературная Россия. № 20. 28 мая 2020. Электронный ресурс: <https://litrossia.ru/item/nastajot-rokovoj-moment/> [Дата обращения: 12.06.2024].